

Н.С. Махциева

Развитие профсоюзов в Северной Осетии между двумя революциями (1908 – февраль 1917 г.)

В начале XX в. в России, а также в Северной Осетии появились массовые профессиональные союзы – организации рабочих и служащих, развернувших борьбу за свои социально-экономические и трудовые права.

Изучение исторического опыта российского профдвижения, а также профсоюзного движения в Северной Осетии имеет большое теоретическое и практическое значение, особенно сегодня, когда профессиональные союзы действуют в новых политических и социально-экономических условиях.

В настоящее время в российском обществе проявляются такие характерные для раннего капитализма признаки, как подталкивание профсоюзного движения к расколу с целью ослабления его влияния в обществе; потеря трудящимися важных социальных завоеваний и прежде всего гарантированного права на труд, стремления вытеснить профсоюзы или принизить их влияние на предприятия. Высказываются и открытые призывы к ликвидации профсоюзов. Сегодня в условиях изменения социально-экономических и трудовых отношений стало актуальным создание новых взаимоотношений профсоюзов и государства.

В создавшихся условиях профессиональным союзам России, в том числе и Северной Осетии, приходилось вести борьбу за трудовые и социальные права своих работников. В связи с этим необходимо обратиться к историческому прошлому профсоюзного движения, к накопленному им опыту.

Первая русская революция (1905–1907 гг.) стала мощным ускорителем возникновения профессиональных союзов, которые оказали большое влияние на организованность рабочих и служащих, их боевитость в борьбе за социальные и трудовые права.

Тяжелым испытанием подверглись профессиональные союзы страны после поражения первой русской революции. Царское правительство и буржуазия предприняли жесткие меры для расправы над народными массами, социал-демократическими партиями, профессиональными союзами и другими организациями с целью стабилизации и укрепления своей власти. Особенно сильно реакция проявилась в крупнейших промышленных центрах страны – Петербурге, Москве, Владикавказе и других городах, где были сосредоточены основные массы фабрично-заводских рабочих. Кроме того, на положении рабочих сказался и экономический кризис, перешедший в затяжную промышленную депрессию. Значительно

сократилось производство, что привело к массовой безработице. Резкое ухудшение экономического положения усугублялось политическим бесправием рабочих.

С первых дней профсоюзы Северной Осетии выступали организаторами экономических и политических стачек, являлись движущей силой развития общества.

Массовым преследованиям подвергались профессиональные союзы. Департамент полиции направлял на места циркуляры, ограничивающие регистрацию профсоюзов. Один из циркуляров (от 27 июня 1907 г.) предписывал начальникам губернских жандармских управлений регулярно информировать департамент полиции о деятельности профсоюзов, установить самое неослабное наблюдение за изданием легальной и нелегальной профсоюзной литературы [1, с. 186].

Капиталисты, воспользовавшись спадом революционного движения, используя депрессию в промышленности и массовую безработицу, усиливали давление на рабочее и профсоюзное движение. Общество фабрикантов и заводчиков, пользуясь поддержкой властей, развернуло наступление на жизненные права рабочих. В этот период фабриканты и заводчики широко применяли локауты, составляли «черные списки» революционно настроенных рабочих и активных участников стачечного движения. Эти списки рассылались по всем крупным предприятиям, и занесенный в них рабочий нигде не мог устроиться на работу. Прежде всего увольняли руководителей и активных участников стачечной борьбы, профсоюзных активистов. Царизм стремился беспощадными репрессиями запугать рабочих и не допустить нового революционного подъема.

В Северной Осетии в 1907–1909 гг. число горно-заводских рабочих сократилось почти на четверть. Массовые увольнения рабочих, рост в связи с этим безработицы предоставляли предпринимателям неограниченные возможности удлинять рабочий день. Он составлял 10–12 и даже 15 часов [2, с. 16]. Несмотря на увеличение рабочего времени, заработная плата рабочих из-за повсеместного снижения расценок оставалась на прежнем уровне и даже имела тенденцию к понижению. Согласно ежегодным Сводам отчетов фабричной инспекции, среднегодовая заработная плата фабрично-заводских рабочих в целом по России составляла: в 1907 г. – 241 руб., в 1908 г. – 242 руб., в 1909 г. – 236 руб. и в 1910 г. – 242 руб. [3, с. 90].

В Северной Осетии, как и на всем Северном Кавказе, значительно ниже, чем в центральных районах России, была заработная плата рабочих. На предприятиях Северной Осетии уровень оплаты труда горнозаводских рабочих был еще более низким. Для шахтеров Садона были разработаны Правила внутреннего распорядка, утвержденные Горным департаментом. В соответствии с этими «правилами» был установлен 12-тичасовой рабочий день, а для подростков – 10-тичасовой. За 12 часов тяжелого физического труда шахтер в среднем получал 50–60 коп. [4, с. 87].

Все это оказывало воздействие на деятельность профессиональных союзов, на формы и методы их работы.

Самодержавие старалось подавить любое проявление живой мысли; под разными предлогами власти стали разгонять существовавшие профессиональные союзы, о создании в этих условиях новых рабочих объединений не могло быть и речи. Отказывая в регистрации создаваемых профсоюзов, царские власти всячески боролись против действовавших профессиональных союзов и обществ, изыскивали всевозможные поводы для их закрытия: нарушение уставов, организация недозволенных собраний и т.д. Запрещались и закрывались даже общества, преследовавшие только культурно-просветительные цели.

В Терской области после объявления «обязательно-го постановления», датированного 12 июня 1907 г., под страхом строгого наказания запрещалось «оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству и общественную тревогу» [5, с. 36].

При проведении в жизнь Обязательного постановления в Северной Осетии были разгромлены социал-демократическая организация и подпольная печать. Были запрещены профессиональные союзы во Владикавказе: Союз горнорабочих, Союз рабочих печатного дела, Союз по обработке дерева и др. [4, с. 36].

В циркуляре департамента общих дел от 28 января 1908 г., который был разослан всем губернаторам и градоначальникам России, говорилось, что «многочисленные, частные, так называемые просветительные общества разных наименований и в особенности «общества народных университетов», ставящие, согласно их уставам, своей задачей распространение общего и профессионального образования в народных массах, за последнее время... стали заметно уклоняться от деятельности, обозначенной им в их уставах, и все более обращаются в сторону энергичной пропаганды, путем народных чтений и бесед, крайних политических учений, в то же время направляя имеющиеся в их распоряжении силы и средства к сплочению народных масс для противоправительственной деятельности» [7, с. 280].

Были обречены на неудачу многие попытки прогрессивной интеллигенции в Осетии создавать клубы, читальни. Так, например, в ноябре 1908 г. директор Садонского рудника Г. П. Борзе под давлением служащих вынужден был обратиться с прошением в Терское областное присутствие об открытии при руднике клуба, «где бы можно было бы проводить свободное от занятий время с удобством и пользой» [6, с. 2]. В создании такого клуба было отказано.

25 августа 1911 г. жители Ардонского селения Владикавказского округа обратились к начальнику Терской области с прошением об открытии в селении Ардон библиотеки-читальни имени Коста Хетагурова [7, с. 6]. Царские чиновники отказали ардонцам в этой просьбе. Одним из мотивов отказа было то, что организаторы читальни просили присвоить ей имя основоположника осетинской литературы, революционера-демократа Коста Левановича Хетагурова. Также была отклонена просьба жителей селения Христиановское о создании общественной библиотеки.

В России с 1907 по 1912 г. было закрыто свыше 600 профсоюзов и отказано в регистрации более чем 700 профсоюзам. Закрывались также органы профсоюзной печати, были арестованы и высланы тысячи активных профсоюзных работников [8, с. 52].

Если в начале 1907 г. в России насчитывалось свыше 245 тысяч членов профсоюзов, то к концу 1908 г. число их сократилось до 40 тыс., а к 1911 г. – до 13 тыс. [8, с. 53].

Власти Северной Осетии запрещали собрания членов профессиональных союзов, устраивали в их помещениях обыски, арестовывали профсоюзных активистов [9, с. 110].

Терская администрация закрыла во Владикавказе газеты и журналы демократического и либерального направления, возникшие в годы революции: «Весь Кавказ», «Ирон газет», «Новая жизнь», «Зонд» [5, с. 36]. Военно-полевые суды отправляли в тюрьмы и ссылку всех, кто попал в составленные полицией списки «неблагонадежных». Временно прекращается деятельность социал-демократической партии в Терской области. Край был фактически объявлен на военном положении.

Из сведений об обществах и союзах, зарегистрированных в жандармском управлении на начало 1910 г., видно, что к тому времени в Терской области не было почти ни одного профессионального союза. Сохранились лишь общества, не имевшие ничего общего с профсоюзным движением: «Благотворительное мусульманское общество «Мурават», «Терское общество любителей казачьей старины», «Общество исправительного приюта», «Отделение армянского благотворительного общества» и др. [10, с. 4]. Только четыре из существовавших тогда обществ имели кое-какие черты, присущие профессиональным союзам, это: Общество взаимного вспомоществования учащим

и учившим в Терской области – предшественник союза учителей, Общество взаимопомощи приказчиков и лиц частного служебного труда, Политехническое общество и Владикавказское общество взаимной помощи служащих правительственных, общественных и частных учреждений [10, с. 2].

Таким образом, в результате репрессий царского самодержавия фактически вся профсоюзная деятельность трудящихся в Терской области была приостановлена.

В межреволюционный период в Северной Осетии создавались и действовали различные профессиональные и культурно-просветительные общества, которые объединяли главным образом представителей интеллигенции и стояли в стороне от классовой борьбы.

В связи с ликвидацией рабочих профессиональных союзов социал-демократы активизировали свою деятельность в легальных обществах.

Весной 1909 г. во Владикавказ приезжает из Сибири видный большевистский деятель С.М. Киров, который под именем Миронова становится сотрудником либеральной газеты «Терек». Он пишет о быте рабочих, о нуждах тружеников, о царивших тогда общественных беспорядках, о нерадивости местной администрации. Во Владикавказе С.М. Киров установил связи с рабочими типографии и железнодорожных мастерских, возглавил нелегальную большевистскую организацию.

С 1910 г. начинает расти забастовочное движение, которое охватывает все новые и новые районы страны. Уже в 1911 г. в России участвовали в стачках и забастовках более 100 тыс. чел., в том числе и трудящиеся Терской области. Несмотря на то, что все профсоюзы были распущены, связи рабочих не были утрачены, они собирались на тайные сходы, обсуждали сообща свои насущные вопросы. Одна из первых после долгого затишья массовок была организована С.М. Кировым на Сапицкой будке во Владикавказе осенью 1910 г. [11, с. 46].

Решительный подъем массового рабочего движения произошел после расстрела безоружных бастующих рабочих, учиненного царскими жандармами на Ленских приисках в апреле 1912 г.

Узнав о Ленском расстреле, рабочие Садонского рудника и обогатительной фабрики Северной Осетии перестали выходить на работу или трудились вполсилы. Администрация рудника в феврале 1913 г. ввела новый порядок регистрации явки на работу. Рабочих обязывали брать при входе в шахту жетоны со своими номерами и при уходе сдавать их нарядчику. «Введением этой системы администрация рудника добивалась того, чтобы шахтеры безвыходно, целый рабочий день находились в забоях – сырых, отравленных взрывчатыми газами» [12, с. 70]. Это послужило непосредственным поводом к забастовке 20 февраля 1913 г. «Чтобы сорвать забастовку, администрация

рудников прибегла к излюбленным провокационным методам, пыталась натравить друг на друга рабочих разных национальностей, шла на подкуп. Но все попытки оказались тщетными. Рабочие одержали победу» [9, с. 113].

В этот период жизнестойкость проявляли различные профессиональные общества. Они не принимали, как правило, участия в политической борьбе, ограничивая свою деятельность в основном разрешением вопросов защиты экономических интересов своих членов.

После забастовки на Садонском руднике во Владикавказе, как сообщала газета «Правда», в феврале–мае 1913 г. происходили стачки рабочих табачной фабрики Вахтангова, типографии Казарова и некоторых других предприятий [13].

В стране с каждым днем нарастал революционный подъем. Вскоре после Ленских событий С.М. Киров, придавая огромное значение профсоюзам, решил восстановить их деятельность во Владикавказе. Вопрос об этом был обсужден владикавказскими большевиками на собрании в одной из конспиративных квартир, однако осуществить данное решение удалось не сразу.

23 июня 1912 г. в России вышел закон «О государственном страховании рабочих». В соответствии с ним страхование распространялось на рабочих горной и фабрично-заводской промышленности. Страхованием не охватывались рабочие мелких предприятий, строительные и сельскохозяйственные рабочие, рабочие железных дорог, морского транспорта, прислуга и др.

В Северной Осетии страховая кампания началась весной 1913 г. В марте, а затем в августе во Владикавказе были проведены городские собрания, на которых обсуждались вопросы введения социального страхования и организации выборов страховых касс.

Сплочению и объединению рабочего класса в это время во многом способствовали страховые больничные кассы, создаваемые на основе закона от 23 июня 1912 г. «О государственном страховании рабочих» [1, с. 577].

В 1913 г. правительство также допустило создание на предприятиях больничных касс. В Петербурге, Москве, Владикавказе и других промышленных городах России эти «невинные» больничные кассы оказались удобным прикрытием для нелегальной деятельности организаторов масс. По новому закону на предприятиях с числом рабочих не менее двухсот стали создаваться больничные кассы. Первая такая касса во Владикавказе появилась при заводе «Алагир» [14, с. 50]. В ней было 446 членов – рабочих завода. В связи с тем, что во Владикавказе к тому времени не было других предприятий, в которых числилось бы не менее 200 рабочих, к этой кассе, как предусматривалось положением, примкнули другие фабрики, заводы и мастерские города. Таким образом, больничная касса

завода «Алагир» вскоре стала Владикавказской городской. Первым председателем городской больничной кассы становится печатник Иван Яковлевич Турыгин [15, с. 77]. В создании и деятельности городской кассы непосредственное участие приняла владикавказская группа большевиков во главе с С.М. Кировым, через эту кассу можно было поддерживать связь с рабочими свинцово-серебряного завода «Алагир», металлистами, строителями [15, с. 77].

Больничная касса во Владикавказе существовала до 1920 г., она не распалась и во время временного захвата Терской области деникинцами. Позже функции больничной кассы полностью были переданы органам социального страхования. Таким образом, больничная касса Владикавказа, организованная в 1913 г., была одной из форм объединения трудящихся, предшественником новых профессиональных союзов.

На Садонском руднике вместо бывшей вспомогательной кассы горнозаводского товарищества «Алагир» организовался попечительский Приказ, председателем которого был назначен Иван Андриченко. К моменту создания Приказа членами кассы здесь состояло 469 чел. [14, с. 52].

В отличие от размеров взносов рабочих во Владикавказской кассе (2% заработка), шахтеры по своей инициативе на общем собрании решили вносить ежемесячно 3% заработка [14, с. 54]. Такое повышение взносов создавало более устойчивый фонд кассы, вместе с тем увеличивало долю вклада предпринимателей рудников. Однако и такое повышение взносов давало возможность оказывать лишь мизерные пособия.

Летом 1914 г. началась Первая мировая война, которая вызвала огромные бедствия в России, в том числе и в Терской области, привела к упадку рабочего движения. В тяжелом положении оказались рабочие Северной Осетии. Разруха, дороговизна, беспощадная эксплуатация рабочих – все это вызывало нарастающее возмущение народа.

Особым распоряжением правительства от 13 августа 1914 г. Терская область объявлялась на положении «чрезвычайной охраны», с предоставлением начальнику области (генерал-майору Флейшеру) прав генерал-губернатора, с непосредственным подчинением его главнокомандующему Кавказской армией. 16 августа в области было введено «временное положение о военной цензуре» [14, с. 54]. Местные административно-судебные органы начали массовые аресты и выселение из пределов Осетии всех лиц, попавших в списки «неблагонадежных». Одновременно проводилась «чистка» административного аппарата: от должностей отстранялись нежелательные начальству старшины, писари, понятые, учителя в селах и др. [14, с. 55].

Театральные постановки, публичные лекции, благотворительные вечера, концерты – все было взято под особое наблюдение местной администрации. В целях устрашения рабочих начальник области из-

дал приказ «Об охране спокойствия на предприятиях» [14, с. 55]. На основании этого приказа все дела о нарушении спокойствия были переданы на рассмотрение военного суда.

Весной 1915 г. под влиянием растущей дороговизны жизни ситуация стала меняться. Росло недовольство трудящихся Северной Осетии военным режимом, которое выливалось в разнообразные формы антиправительственных и антивоенных выступлений. В начале декабря 1915 г. произошла крупная забастовка арбовщиков – перевозчиков свинцово-цинковой руды из Садона на станцию Дарг-Кох [16, с. 24]. Арбовщики выставили требование об увеличении оплаты за перевозку руды. Стачка носила организованный характер. Среди забастовщиков выступали социал-демократические агитаторы. Были выработаны определенные требования. Стачка закончилась победой арбовщиков; администрация общества «Алагир» увеличила плату за перевозку руды [16, с. 24].

26 апреля 1916 г. во Владикавказе забастовали портные, также требовавшие увеличения заработной платы. Вечером того же дня забастовщики сделали попытку организовать за городом собрание, но были разогнаны полицией [16, с. 24]. 20 мая 1916 г. на Алагирском заводе были арестованы 4 рабочих за подстрекательство к забастовке [4]. 21 мая 1916 г. началась забастовка трамвайных рабочих Владикавказа, но она была подавлена полицией [16, с. 24]. В своем донесении в Министерство внутренних дел начальник жандармского управления Терской области, характеризуя настроение рабочих в 1916 г., писал, что «повышенное настроение замечается... и что это настроение является результатом дороговизны жизни» [17, с. 16].

Рост стачечного движения в Осетии свидетельствовал о том, что лозунги «о сохранении гражданского мира в промышленности» и о «поддержке войны участием в военно-промышленных комитетах» потерпели крах. Выступления рабочих явились показателем того, что на борьбу против самодержавия и войны поднимались пролетариат и трудящиеся не только центра, но и окраин царской России.

Итак, кульминационным пунктом этого возмущения стал февраль 1917 г., когда было свергнуто царское самодержавие. С этого периода по существу начинается широкое развитие профсоюзного движения в Терской области, в частности, в Осетии.

Объединить трудящихся в профессиональные союзы, подчинить их одному уставу, направить их деятельность против угнетателей в Терской области было тяжелее, чем в любом другом районе России. Сказывались особенности этого края – слаборазвитая промышленность, малочисленность рабочих кадров, противоречия национального и религиозного характера. Все эти особенности накладывали свой отпечаток здесь и на дальнейшее развитие профсоюзного движения после Февральской революции.

Библиографический список

1. Профсоюзы СССР : документы и материалы. – М., 1963. – Т. 1.
2. Тедтоев, А.А. Из истории революционных событий 1905–1907 гг. в Северной Осетии / А.А. Тедтоев // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т. 18: Выпуск историко-филологический. – Дзауджикау, 1949.
3. Пушкарева, И.М. Рабочее движение в России в период реакции. 1907–1910 / И.М. Пушкарева. – М., 1989.
4. Терек. – 1916. – №5520.
5. Джанаев, А.К. Северная Осетия в период столыпинской реакции / А.К. Джанаев // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т. 18: Выпуск историко-филологический. – Дзауджикау, 1949.
6. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания). – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 9.
7. ЦГА РСО-Алания. – Ф. 199. – Д. 92.
8. История профсоюзов СССР. – М., 1959.
9. Кулов, С.Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX и в начале XX века / С.Д. Кулов. – Орджоникидзе, 1969.
10. ЦГА РСО-Алания. – Ф. 11. – Оп. 29. – Д. 92–96.
11. Такоев, С. Киров на Кавказе / С. Такоев // Красная летопись. – №1.
12. Архив Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований. Отдел рукописного фонда. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 98.
13. Правда. – 1913. – 3 июня.
14. ЦГА РСО-Алания. – Ф. 169. – Д. 686.
15. Соратники В.И. Ленина – организаторы профсоюзов СССР. – М., 1970.
16. ЦГА РСО-Алания. – Ф. 49. – Оп. 1. – Д. 794.
17. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. – Т. 16. – Д. 107.